

Храмы: проекты и реализации

Интервью с архитектором Владимиром Стегайло

В процессе подготовки материалов номера «Храмы XXI» члены редколлегии журнала провели ряд бесед с иркутскими архитекторами, имеющими опыт проектирования храмов. Марина Ткачева встретила Владимира Стегайло. Краткое изложение этой беседы мы приводим ниже.

МТ Сегодня архитектура храмов примерно на том уровне, где она была лет сто назад. Но тогда, кроме проектирования гражданских сооружений, в программу подготовки студентов-архитекторов входило и проектирование храмов, а в архитектурной среде была достаточно сильная и отчетливая тенденция к инновациям, о чем много раз говорилось.

ВС Сегодня в храмостроении нет целостного, общего видения проблемы храмостроения. Кроме того, личность архитектора в храмостроении не является главной; более важной оказывается вера в Бога и идея Бога. Когда мы начали проектировать храмы, то пережили процесс глубокой ломки: имеем ли мы моральное право кому-либо что-то навязывать в области понимания духовности и веры? Мне кажется, что нами еще не пройден путь глубинного понимания исторического наследия, а вы говорите о новых тенденциях! Про себя могу сказать, что я еще не проникся тем, что делали предыдущие поколения. Пока мы не почувствуем, насколько являемся проводниками чего-то более серьезного, чем авторская идея, с храмами ничего не получится. Об этом мне говорит личный опыт. Кроме того, первый, естественный шаг – сохранять и восстанавливать, реставрировать те храмы, которые сегодня находятся подчас в ужасающем состоянии. Тогда создание новых храмов окажется более осмысленным. В Иркутске было более 100 храмов. Надо пытаться их восстановить. Это будет правильно, и тогда создание новых храмов станет более осмысленным.

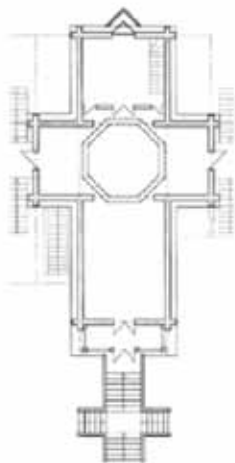
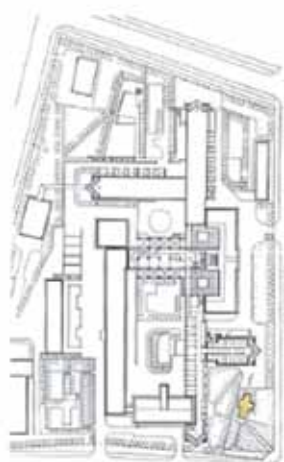
МТ Как складывается союз архитектора и РПЦ? Насколько современны те принципы, на которых настаивает заказчик? Каковы результаты этого союза?

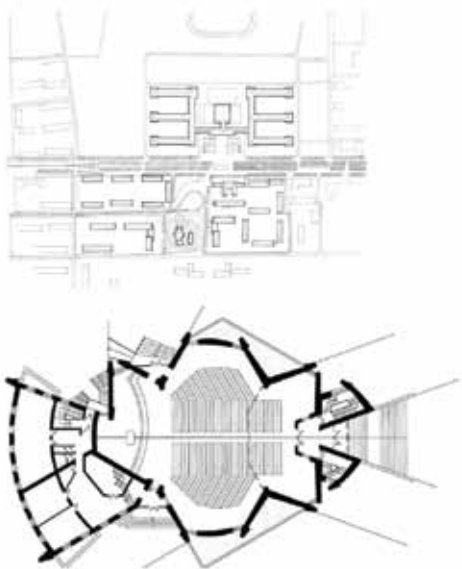
ВС Можно ли считать сегодня заказчиком для строительства храмов городское сообщество? Мне кажется, оно не будет стимулировать этот процесс. РПЦ также не всегда выступает непосредственным инициатором. Обычно она не возражает против инициативы спонсо-

ров строительства. Так было с восстановлением Входа-Иерусалимского храма. То же произошло и с храмом Ксении Петербургской для детской больницы. Я был одним из авторов реконструкции больницы и, разговаривая с врачами, чувствовал ее функцию, настроение, «дух места». Для меня это не просто здание, а больница именно для детей. Когда появился петербуржец В. Матюшков, который предложил построить на ее территории храм, его предложение оказалось естественным и для нас, и для больницы. Было очень много споров и относительно размеров, и относительно формы и материалов. Мне было приятно, что мое видение деревянного храма как сооружения теплого, традиционного, «детского» нашло понимание. Храм задумывался как гармоничное, чистое по форме сооружение. И иконостас, и стилистика восходят к иконописи XIV–XVI веков. Мы доказывали, что это и есть органичный для данного случая стиль. И действительно, в интерьере ощущается это единство. Мы спроектировали храм из крупных бревен, даже на лесосеки выезжали, чтобы выбрать материал. То есть архитектор не просто нарисовал, а буквально руками пощупал каждый элемент. Для меня это была серьезная школа жизни. Потом, уже без нас, храм стали достраивать, появились декоративные элементы... Но даже они не исказили первоначального замысла.

МТ На какой период Вы ориентируетесь, когда соглашаетесь на проектирование храма?

ВС У меня нет полной уверенности, что сейчас надо переходить к современным формам; надо проникнуться тем, что уже было. Архитектор считает себя носителем какой-то традиции, но и сама традиция храмостроения должна сложиться. А этого сегодня еще нет. Поэтому я ориентируюсь на аналоги XIV–XVI веков. Понятно, что потом было много стилей, но пока я склоняюсь к этим формообразующим принципам. Если бы мы не перескакивали почти через сто лет навязанного атеизма, может, формообразование храма было бы другим. 25 лет возобновления храмостроительства – это мало, чтобы в нем появились новые идеи. Ведь строительство храма – это не персональное дело личности, это историческая линия развития религии, общества. И вдруг в XXI веке приходит кто-то и начинает настаивать на своем

индивидуальном видении. Я поддерживаю идею восстановления храма Христа Спасителя именно потому, что – пусть с некоторыми конструктивными поправками – был восстановлен его исторический облик. Но главное – был восстановлен его исторический архитектурный облик.

MT Какие идеи XIV–XVI веков Вам особенно близки?

BC Духовность, чистота форм, образ, который влияет на человека, внутреннее пространство, которое поддерживает религиозное состояние – больше ничего и не надо, «мишур» там не должно быть.

MT Вам доводилось проектировать не только православные, но и католические храмы. Как Вы ощущаете разницу в своем состоянии при их проектировании?

BC Православные храмы консервативны в отношении новых архитектурных форм, в них, по большей части, сохраняются канонические элементы архитектуры. А в католических храмах, сохраняя их канонические функции, часто модернизируют внешние формы. Поэтому наш храм Сердца Божией Матери имеет массу определенных канонических элементов в плане и функциях, но современен во внешнем облике, пластике, он ассоциативно связан с образом складок покрывала Божией Матери. Одновременно в нем есть нечто от романской архитектуры. Нам кажется, что католический храм получился. Мы погрузились в тему, смотрели, изучали. Нам помогал польский архитектор. При проектировании мы искали видовые точки, рассчитывали место храма в пространстве города. Это была общественная территория. Но в дальнейшем произошла градостроительная ошибка. Недавнее строительство торгово-развлекательного центра – не только градостроительная, но и противоправная ошибка. Разрушена площадь, а торговый центр повернут к храму, извините, задом, перекрыты все видовые точки. О чем думали новоявленные проектировщики – совершенно непонятно! Где было городское сообщество? Почему не протестовал никто, кроме жителей соседних домов? Мы приходили в технический университет, дошли до ректора. Мы встретили равнодушные. А если сообщество молчит – возможно все.

MT Вы участвовали в архитектурных конкурсах на проекты храмов. Как они проводятся? Каким образом реализуются проекты-победители?

BC Мы участвовал в конкурсе на проект храма Александра Невского. В проекте были элементы новизны, мы делали шаг к современному решению при всей кажущейся историчности и консерватизме. Мы сами считали свою попытку не очень современной, а владыка и другие священнослужители сочли ее чересчур авангардной. Мы предложили применить витражные конструкции, элементы остекления, которые бы придавали воздушность внутреннему пространству. Александр Невский – воин, и поэтому решили использовать образ шлемов в облике храма. Нам казалось, что щиты на фасаде ассоциативно связаны с его воинским подвигом. Первое место мы не получили, хотя победивший проект мне не нравится: в нем прочитывается эклектичность и какая-то стилистическая нечистота.

MT Какова роль архитекторов как экспертов в проведении этого конкурса?

BC Архитекторов в комиссии было немного; решающее слов имели представители епархии. Настораживает дальнейшая судьба проекта: даже проект-победитель не стал базовым для воплощения. На этом холме с системой пандусов, подходов стоял храм чистый по форме, монументальный и цельный в плане, правильно ориентированный алтарем на Восток. Мне показалось, что проект, взятый для строительства, на 90 процентов содержит наши идеи. Мне не очень нравится, что кто-то украл наши идеи, особенно если это связано с таким богоугодным делом, как храм. Конечно, нам хотелось бы самим участвовать в реализации проекта. Это не просто жалоба одного архитектора на другого. Но есть вещи, которые делать нельзя!

Конечно, проектирование и строительство храмов – это только один из многих элементов градостроительства. Печально, что в процессе градостроительства городское сообщество практически не участвует. Тогда неудачные градостроительные решения терзают город, а сиюминутные интересы не имеют связи с перспективным планированием и стратегическими целями его развития. Интересами комплексного развития Иркутска.

